

Въ гостяхъ у англичанъ.

Прогулка съ Конанъ-Дойлемъ.

IV.

На одномъ изъ банкетовъ рядомъ со мной сидѣлъ высокій плещистый человекъ, съ большимъ ртомъ, полнымъ крѣпкихъ зубовъ, съ закрученными въ стрѣлку усами и добродушнымъ взглядомъ свѣтлыхъ глазъ. Близко нагнувшись ко мнѣ, онъ на невѣроятномъ французскомъ языкѣ общался зѣйти завтра на десять минутъ одиннадцатого въ гостиницу, чтобы со мной и Чуковскимъ сдѣлать часовую прогулку по Лондону. Это былъ Конанъ-Дойль, когда-то незамѣтный врачъ, подписывающій рассказы, теперь ставшій сэромъ Артуромъ за исторію бурской войны.

Утро было мало пригодное для прогулокъ. Валила съ неба какая-то невѣроятная гадость въ родѣ снѣга; по Темзѣ скользили въ желтоватомъ туманѣ тѣни баржей и пароходовъ. Голубоватая арка и линии мостовъ пропадали во мглѣ, гдѣ на томъ берегу едва были различимы готическіе верхи зданій; на деревьяхъ по широкой набережной, куда выходило мое окно, на верхахъ автомобилей и трамваевъ, на зонтикахъ и шляпахъ прохожихъ,—повсюду лежалъ снѣгъ, онъ застилалъ съ одной стороны плгу Клеопатры, и получался пейзажъ, мало знакомый англичанамъ.

Точно, въ назначенный часъ, Конанъ-Дойль позвонилъ по телефону изъ вестибюля, и мы втроемъ, выйдя на улицу, свернули къ рѣкѣ. Тамъ въ узкомъ переулкѣ онъ указалъ на почернѣвшій отъ времени кирпичный домъ, гдѣ во второмъ этажѣ жилъ когда-то Петръ Велікій, а на набережной, на мѣстѣ теперешней каменной бесѣдки, стояла въ то время его лодочка. Въ наводненіе вода доходила до самаго парапета; Петръ садился тогда въ лодочку и плавалъ. Мы съ Чуковскимъ повѣрили объ этомъ на слово сэру Артуру.

Затѣмъ намъ было показано огромное, проконченное зданіе военнаго министерства, гдѣ окна подвальныхъ и первого этажа прикрыты желѣзными сѣтками отъ воздушныхъ бомбъ. Мы зашли въ гвардейскія казармы, выходящія въ про-

сторное поле Сентъ-джевскаго парка; въ воротахъ стоялъ рослый солдатъ съ обпашенной шпагой, въ шлемѣ и красномъ плащѣ. У другихъ казармъ въ глубокой нишѣ сидѣлъ на конѣ другой часовой, какъ памятникъ, одѣтый въ латы, неподвижно и величественно.

По пути Конанъ-Дойль говорилъ о войнѣ, объяснялъ формы встрѣчныхъ офицеровъ, вытаскивалъ изъ кармана какія-то записочки. По его словамъ, въ 1914 году въ Англія было всего 600 тысячъ войскъ. Сейчасъ на всѣхъ фронтахъ, въ маршевыхъ ротахъ и запасныхъ батальонахъ — миллионы, и столько же рекрутовъ. Онъ самъ посетилъ рекрутскій значокъ, а его сынъ дерется во Франціи солдатомъ.

Хлюпая по снѣгу, прикрывшись отъ дождя воротниками, мы шли къ Вестминстерскому аббатству. Невѣроятно было предположить, что этотъ добродушный человекъ въ снѣгъ пальто, съ обмотанной корицевымъ шарфомъ бычачьей шеей, въ котелкѣ и съ зонтомъ, зналъ, какъ по дѣвту снгарнаго весла раскрыть таинственное преступленіе. Услышавъ имя Шерлока Холмса, онъ обомлелъ и, показавъ всѣ свои крѣчайшіе зубы, проговорилъ: «Однажды я пошелъ на Бекеръ-стритъ посмотреть, кто живетъ въ тридцать сельмомъ номеръ (квартира Шерлока Холмса и доктора Ватсона). Оказалось, тамъ — фотографія». Это былъ единственный литературный разговоръ за всю прогулку.

Мы зашли въ Вестминстерское аббатство. Была служба; молились женщины и солдаты, касаясь лбами Евангелій, иные, закрывъ руками лицо. Намъ во въ дубовыхъ нишахъ неподвижно сидѣли бѣлые фигуры священниковъ. Цѣли дѣтскіе голоса. Высоко подъ готическими корицевато-сѣрыми сводами, опирающимися на мощныя колонны, тусклый свѣтъ дня ялся сквозь снгуэты и цвѣтныя стекла розы, — круглаго окна, Заигралъ органъ, медленные его звуки наполнили всѣ арки, ниши и дуги храма, и я увидѣлъ, что колоннады уходятъ безконечно далеко вправо и влево, и храмъ полонъ народа. Казалось, не одной человѣческой силой сложена изъ камня и цемента эта величественная красота, но слишкомъ человѣческое и небольшое нужно усиліе (поворотъ руки, сбрасывающей бомбу съ цепелина), что-

бы все это рухнуло въ одно мгновеніе... «Англичане религіозны, но не слишкомъ: у насъ нѣтъ фанатиковъ», — сказала Конанъ-Дойль, выходя сквозь маленькую дверь на площадь, — «это мѣсто — очень памятное для меня и счастливое», — онъ указалъ на небольшую часовню, — «зѣлъ восемнадцать лѣтъ тому назадъ и встрѣчался съ моей теперешней женой». И мнѣ показалось, что какъ тверды и крѣпки его зубы, какъ тверды и крѣпки мысли и рѣшенія его, такъ же въ него любила онъ на всю жизнь, и хорошо и уютно имѣть другомъ такого человека. Какъ настоящій англичанинъ, онъ и простодушенъ, и твердъ. Онъ въ итъ, что лодочка Петра стояла именно въ концѣ того переулка, и знаетъ, если Англія рѣшила выставить столько-то миллионновъ солдатъ, — именно такое то число миллионновъ, а не меньше, будетъ сидѣть въ окопахъ.

Мимоходомъ онъ показалъ простой, кирпичный домикъ, гдѣ въ квартирѣ въ два окна жилъ лордъ Байрошъ, и повезъ насъ на Флитъ-стритъ, — улицу газетъ и журналистовъ. Тамъ онъ внезапно нырнулъ въ узкую дверь. Мы прошли за нимъ черезъ ветхій дворикъ въ полутемный и еще болѣе ветхій кабакъ, поднялись по деревянной лѣсенкѣ, посыпанной свѣжими опилками, въ низкія комнаты второго этажа, гдѣ все, — столы, кресла, утварь, гравюры на кирпичныхъ стѣнахъ, — осталось XVIII вѣка. Здѣсь за дружеской бесѣдой сидѣли докторъ Джонсонъ и Боевелъ. Въ другой комнатѣ отъ затылка доктора Джонсона осталось на стѣнѣ жирное пятно. Въ третьей — подъ стекляннымъ кошакомъ хранился его словарь.

А рядомъ, въ кухнѣ, на вертелехъ шипѣло мясо, дѣвушка разносила въ оловянныхъ кружкахъ эль, и посетители ѣли именно тотъ самый супъ, тотъ сыръ и тотъ бифтекъ, пуддингъ, которые когда-то любилъ самъ докторъ Джонсонъ.

На Флитъ-стритъ мы разстались. Конанъ-Дойль, какъ медвѣдь, бокомъ прыгнулъ въ проходившій омнибусъ и свернуху долго еще махалъ намъ перчаткой, потому что котелкомъ.

Гр. Алексѣй Н. Толстой.